Переговоры с цинским судом о мире, генералы армии Мин в основном согласились.

Война не детская игра, так как татары, просящие мира, могут быть решены за столом переговоров, также спасти армию, чтобы бросить, является идеальным концом Северной экспедиции.

Город Шэньян, в пределах недавно включенного в список Большого столичного дворца Чжэндун.

Место для переговоров было просторным - Большой зал правительства с правой стороны бывшего дворца Шэнцзин, где Хуан Тайцзи и Восемь Знамений обдумывали это место.

Ниу Цзиньсин был незнаком с этим местом, но два татарских заместителя посла позади него с трепетом смотрели на большой зал, почти преклонив в нем колени.

Без всякой ерунды, Ниу Цзиньсин также человек, который видел большую сцену, прямо открыл свой рот: "Мой великий Цин не уступает земли, не вызывает министра, только компенсация, чтобы отправить женщин, 100.000 таэлей серебра, шестнадцать девочек, единовременная выплата, не каждый год, чтобы платить, вы должны вернуть Цзяньчжоу, то есть, родовой земли предка нашей династии!

Чэнь Чжэньхуй выглядел удивлённым и сказал: "Осмелюсь спросить, ты вдруг сошёл с ума? Налоговые поступления моего Великого Минга составляют более десяти миллионов таэлей в год, не хватает твоих сотен тысяч таэлей серебра?"

Бык Венера погладил бороду и улыбнулся: "Вам нравится или нет! Это состояние моего Великого Циня!"

Чэнь Чжэньхуй увидел, что другая сторона была неразумна и нахмурилась: "Я хотел бы спросить, выиграла ли эта битва моя Да Мин или ты?".

Я видел, как Ниу Цзиньсин спокойно сказал: "Ну и что с того, что я потерял Великого Цин? Мы можем позволить себе проиграть!"

Чэнь Чжэньхуй и несколько чиновников Да Мин были очень подавлены, и они не знали, откуда Татар Цин нашел этого гения, пытался ли он подтолкнуть себя к отчаянной ситуации?

Официальный представитель Да Мин сказал: "Так как вы можете позволить себе проиграть, прислушайтесь к условиям моего Да Мин, Доргон идет к Императорскому Номеру, чтобы поклониться моему императору Да Мин, уступить все земли к северу от реки Датун в Пхеньяне и компенсировать мой Да Мин военными репарациями один миллион таэлей!

Ниу Цзиньсин категорически сказал: "Ни в коем случае! Твой Да Мин хочет "Дорогу мира" династии Цин, верно? Вы, ребята, деритесь, давайте!"

Официальный представитель Daming сказал: "Тогда тебе придется вернуться и спросить Доргона, в какие еще трюки он может играть, кроме как уступать землю и называть себя священником"!

Ниу Цзиньсин справедливо сказал: "Ты могущественен, но как долго ты можешь растягивать линии боя? Сколько еще на поле боя ты можешь развернуть?"

"Несмотря на то, что мой Великий Цин слаб, а мое оружие уступает человеческим

существам, мой Великий Цин объединен в своей воле потащить тебя вниз и убить, даже плотью и кровью"!

Чэнь Чжэньхуй безмолвен, он никогда не видел такого наглого человека, даже маньчжурный татарин говорил так богато на справедливость.

Если бы это сказали два заместителя маньчжурских послов, более или менее тронутые, какие-то аплодисменты или что-то в этом роде, дело в том, что некоторые слова на самом деле исходят из уст второго татарина!

Как бы они ни говорили, Ниу Цзиньсин был похож на хобгоблина, а Великое Государство Цин было похоже на девушку, над которой издевались, настолько, что несколько должностных лиц Даминга, ведущих переговоры, хотели пнуть его дважды.

"Слишком бесстыдно!"

В качестве одного из четырех сыновей Цзиньлиня, Чэнь Чжэньхуй сорок лет, и чем больше книг он читает, тем больше ему не хватает изобилия своей молодости, желая быть сильным, но никогда не быть достаточно сильным, в конце концов, военные действия это не то, что он может просто бороться.

В конце концов, Чэнь Чжэньхуй сорвала рукава и ушла, и переговоры зашли в тупик.

Ниу Цзиньсин не торопился и вместо этого покинул столицу, чтобы спокойно осмотреть город Шэньян.

Когда Джонгблау узнает о переговорах, он немного удивляется.

На второй день продолжаются переговоры, в ходе которых смена группы по переговорам в Даминге привела к тому, что всех гражданских должностных лиц заменили военные генералы во главе с грубым человеком Ли Шаою.

Как только начинаются переговоры, Ли Шаою становится любопытным и задает посланнику Татара Цин тяжелую тему: "Рискуя спросить, мертва ли Доргона?".

"Недотрога! Мой великий император Цин живёт вечно, а море сухо..."

Тартарский заместитель посла был настолько разъярён и непоследователен, что не понимал, о чём говорит.

Ниу Цзиньсин не ответил лоб в лоб, и все же спокойно сказал: "Условия моего Великого Цинга просты: наша компенсация в сто тысяч таэлей серебра, выплаченная единовременно, и Великий Мин отступает, возвращая землю предков из города Цзюцзю Лянь в Цзяньчжоу к северу от Хету-Ара".

Ли Шаою засмеялся: "Земля, занятая моей армией, а ты все еще хочешь вернуться? Смею ли я спросить, что ты ел на завтрак?"

Ниу Цзиньсин добавил: "Серебряные деньги легко сказать, я могу добавить еще 100,000 таэлей к Великому Циню, вы удовлетворены сейчас?".

Ли Шаою дал пощечину столу и сказал: "Удовлетворила мою задницу! Ты не знаешь, какова твоя ситуация? Все еще воняет этим местом со мной?"

Ниу Цзиньсин все еще вела себя очень жестко: "Вот как мне больно в Дацине"!

Ли Шаою указал на него: "Хорошо! Мне нравятся такие люди, как вы, которые очень разочарованы, и условия моего да Мин тоже очень разочарованы, вы уступаете землю, платите компенсации, отдаете женщин, и компенсируете моей армии начало столицы, один миллион таэлей серебра"!

Ниу Цзиньсин покачал головой: "Вы, ребята, слишком жадные, мой Великий Цин не может это принять!"

Ли Шаою помахал рукой с лицом, полным презрения: "Тогда давай не будем об этом, я просто потороплю тебя прямо в море и заберу все!".

Ниу Цзиньсин беззастенчиво сказал: "Тогда вы, ребята, деритесь! Когда мой великий император Цин прибудет в Пхеньян, почему бы тебе не продолжить погоню за ним?"

"Шутка, я даже не боюсь жить, я боюсь умереть?"

Ли Шойю насмехался: "Ты сдаешься и планируешь разбить банку?"

Сказав это, он поднял маленькое тело Ниу Цзиньсина в руки и засмеялся: "Ты действительно не боишься смерти, старина?".

Ниу Цзиньсин был шокирован и неоднократно говорил: "Вы..... Что ты за человек, осмеливаешься меня издеваться?"

Ли Шаою дважды носил его на месте, затем бросил на землю, выпил и спросил: "Я спрошу тебя об одном, ты ли второй татарин от имени татарского царя, отказывающийся вести переговоры о мире и желающий вести еще одну войну с нашим Мин? Если это так, то это болезненная реакция, и я прикажу войну на фронте!"

Ниу Цзиньсин присел на корточки на земле в неудовлетворенности: "Кто ты, черт возьми, такой? Как ты смеешь начинать частную войну в разгар мирной конференции?"

Ли Шаою сказал: "Эти восемнадцать тысяч кавалеристов за пределами вашего города Пхеньян - мои подчиненные! Приказано бежать за Доргоном, человек не понимает, указ еще не закончен, какая задница начинать частную войну!"

Лицо Ниу Цзиньсина было шокировано, когда он встал в шквал: "Ой! Так это было... Генерал Цао, неуважение! Неуважение!"

Пхеньян за пределами города Longwu армии другие не знают, Niu Jinxing не будет знать, я слышал, что старший брат Ли Цзычэн преследуется до смерти ими, он также был преследуется этой группой людей сто миль назад, впечатление.

Ошибаясь, Ли Шаою был недоволен, нетерпелив: "Не говори ерунды, говори, если можешь, дерись, если не можешь, стараясь, как пизда!".

Если да, то зачем они здесь? Ты не хочешь название?

Ниу Цзиньсин улыбнулся: "Генерал успокойтесь, вы только что сказали, что условия легко сказать, на этот раз этот посланник привел шестнадцать красивых женщин, генерал не

стесняйтесь выбирать, компенсация также сказано".

Ли Шаою кивнул и сказал: "Как насчет того, чтобы позвонить министру?"

"Пусть Великий Цин называет себя священником? Да!"

Ниу Цзиньсин понизил свою позицию и сказал: "Так как мы заявляли о капитуляции, не должны ли Да Мин вернуть землю Цзяньчжоу, чтобы оставить землю предков для Великого Циня?"

Ли Шаою помахал рукой и твердо сказал: "Ни за что! Каждый дюйм Ляодуна был куплен нашими солдатами с кровью и пулями. Мы не сдадимся! Вы не только не позволите этого, но и уступите дорогу Пинган к северу от реки Датун моему Да Мин, все условия здесь, больше ничего не обсуждается!"

Сердце Ниу Цзиньсина колотилось, быстро следуя за ним, пациентка: "Это перечеркивание границ, есть о чем поговорить..."

http://tl.rulate.ru/book/41393/1065378